

УДК 17.02

DOI: 10.24412/2713-1033-2024-1-52-79

А. Е. Зимбули

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zimbuli@yandex.ru

НАСТАВНИКИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ЛИЧНУЮ БИОГРАФИЮ

Как известно, 2023-й год был официально объявлен Годом Наставника. Наставник, Учитель, Педагог – как его ни назови – чрезвычайно важная социальная роль. И отраднo, что в прошедшем году эта роль особо подчеркивалась – по контрасту с тем, как это происходило в начале двухтысячных, когда была тенденция сводить работу учителя к педагогическим услугам. Автор благодарен судьбе, которая подарила общение преимущественно с позитивными учителями-наставниками. Недавно на тему «Учитель» мною уже были опубликованы два текста, конкретный и абстрактный – но тема настолько неохватна, что требует нового сфокусированного осмысления.

В этот раз логика изложения такова, что хронологически перечисляются наиболее жизненно-значимые для судьбы автора люди, что, как представляется, окажется полезным для понимания многофакторного, многовекторного явления наставничества. Кратко характеризуются наиболее впечатлившие автора люди, с кем он общался в семейном кругу, в школе, техникуме, армии, во время учебы в университете и на работе. В итоге подтверждается значимость социальной роли наставника.

Ключевые слова: наставник, пример, совет, предостережение, нравственные качества наставника, вдумчивость, совесть, подопечного.

Ссылка для цитирования: Зимбули А.Е. Наставники: взгляд через личную биографию // Социальные нормы и практики. 2024. № 1. С. 52-79. DOI: 10.24412/2713-1033-2024-1-52-79.

A. E. Zimbuli

The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia, e-mail: zimbuli@yandex.ru

MENTORS: A VIEW THROUGH PERSONAL BIOGRAPHY

It is widely known, the year 2023 was officially declared the Year of the Mentor. Mentor, Teacher, Pedagogue – whatever you call it – is an extremely important social

role. And it is gratifying that in the past year this role has been especially emphasized - in contrast to how it happened in the early 2000s, when there was a tendency to reduce the work of a teacher to pedagogical services. The author is grateful to fate, which has given him the opportunity to communicate mainly with positive mentor teachers. Recently, I have already published two texts on the theme "Teacher", one concrete and one abstract – but the topic is so widely that it requires a new focused reflection.

This time, the logic of the presentation is such that the most vital people for the author's destiny are listed chronologically, which seems to be useful for understanding the multifactorial, multidirectional phenomenon of mentoring. The author's most impressed people are briefly characterized, with whom he interacted in the family circle, at school, at technical school, in the army, during his university studies and at work. As a result, the significance of the social role of a mentor is confirmed.

Keywords: mentor, example, advice, warning, moral qualities of a mentor, thoughtfulness, conscientiousness of a mentee.

For citation: Zimbuli A.E. (2024) Mentors: a view through personal biography. *Social norms and practices*. No. 1. P. 52-79. DOI: 10.24412/2713-1033-2024-1-52-79.

Введение

Наставник. Руководитель, учитель [Словарь русского языка, 1982: 399]
«Я [...] скорее готов ступешаться в споре, чем выступать в скучной роли
учителя и наставника» [Монтень, 1992: 182-183]

И не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос
(Мф. 23: 10)

Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей – сынков и внучат,
Жури мы их, а если разберешь, –
В пятнадцать лет учителей научат!
А.С. Грибоедов¹

2023-й год в России, как известно, был объявлен Годом педагога и наставника². Лично мне в этом виделось несколько запоздалое признание нынешним руководством страны того, насколько ошибочной, неуважительной к педагогам была развернутая в начале двухтысячных годов кампания, смыслом которой было сведение работы в средней и высшей школе к так называемым педагогическим услугам. Пусть потом историки ищут «героев», которые были инициаторами, вдохновителями, исполнителями. Про себя могу честно сказать: с самого начала этой кампании испытывал тягчайшее чувство стыда и обиды.

¹ Грибоедов А.С. Горе от ума. URL: <http://griboedov.lit-info.ru/griboedov/dramaturgiya/gore-ot-uma/gore-ot-uma-2.htm> (дата обращения 18.02.24).

² Год педагога и наставника. URL: https://edu.gov.ru/god_pedagoga_i_nastavnika (дата обращения 18.02.24).

Кстати, те же чувства наполняли меня, когда я посмотрел (по просьбе бывшей моей классной руководительницы Жанны Петровны – о ней речь пойдет чуть позже), две серии злосчастного фильма «Школа», созданного В.Г. Германикой. На дальнейший просмотр сил уже просто не хватило. Если где бы то ни было в нашей жизни есть негатив, отходы – пусть туда свое профессиональное внимание направляют соответствующие службы. Чтобы минимизировать этот негатив. Убежден, что наука и искусство не должны концентрироваться исключительно на минусах. Иначе, кто же тогда будет обычных людей вдохновлять, и на что?

Благодарен судьбе, что у меня лично среди наставников преобладали люди позитивные. С искренней признательностью за все доброе-умное-полезное приступаю к написанию этого текста. Причем вот что отмечу. В недавнее время мне уже довелось рассуждать на тему «Учитель». Исполнялось сто лет со дня рождения профессора Владимира Георгиевича Иванова, который основал и более тридцати лет возглавлял кафедру этики и эстетики ЛГУ. На конференции, посвященной этому юбилею, я выступал с вполне конкретным текстом про общение с Владимиром Георгиевичем («Учителю – спасибо!» [Зимбули, 2023]). Кроме того, в журнале «Общество. Среда. Развитие» удалось опубликовать статью, так сказать, абстрактную – «Учитель: нравственно-ценностные ракурсы» [Зимбули, 2022]. Но тема «учитель» настолько неохватна, что даже лично у меня остается еще очень много важного невысказанного. В частности, напрашивается такой ход мысли: просто-напросто хронологически перечислять тех людей, которых я вправе называть своими наставниками-учителями. Причем хотелось бы, чтобы текст получился не просто автобиографическим, и даже не столько данью благодарности к тем, кто оказал влияние на мою судьбу. Хотелось бы, чтоб этот текст оказался по возможности полезным для понимания многофакторного, многовекторного явления наставничества. Итак – мои наставники.

Прежде всего, это, конечно, родители, **С Е М Ь Я**. Папа, мама, замечательные люди, спасибо вам! **ПАПА**, что называется, прошел блокаду. И, очевидно, именно поэтому бывал немногословен, любил жизнь в самых разных ее проявлениях, друзьях, книгах, путешествиях, садоводстве-огородничестве. Был неустанным тружеником, строгим, заботливым, организованным, справедливым. Исключительно уважительным. Меня всегда удивляло – как они общались с братом и сестрами. До преклонного возраста сохранили ласковые обращения «Галочка», «Женечка», «Ванечка», «Витенька». И еще отдельный сюжет – папа никогда «не давил». Не торопил событий. Очень примечательна в этом смысле история с моей грамотностью. Я научился (по подаренным кем-то кубикам) читать в три года. Во время прогулки громко-радостно зачитывал названия магазинов и разные встречающиеся таблички. Так папа строго-настрого от меня изолировал все домашние книги, предоставив мне возможность не опережая ровесников, погружаться в ребяческий мир: дворы, заборы, сараи, рогатки, игры в «казаки-разбойники», освоение окрестностей, включая крыши. А жили мы в доме 23 по улице Рубинштейна. Крыши там – ого, какие высокие!

А даже с крыши школьного гаража нужно было не спрыгивать, а спускаться, цепляясь за «подробности» стены и забора. Благодарен папе за подаренное мне живое, не книжное детство! Обязательно нужно сказать про то, что папа любил принимать гостей. Друзья, коллеги, родня – по праздникам и хорошим поводам собирались у нас, тепло общались, угощались, часто пели.

МАМА. В ясли и детский садик я не ходил. Нас у мамы было четверо детей, она с домашними делами управлялась уверенно. Ласковая, заботливая, мастерица на все руки. Готовила разнообразно, вкусно. Ловко управлялась со швейной машинкой «Зингер», что-то нам-детворе шила, и даже успевала изредка какие-то платья строчить близким подругам. Замечательно пела. И знала бесчисленное число выразительных пословиц-поговорок на все случаи жизни. Читала нам-детям интересные книги. Самые-самые разные сказки. Барона Мюнхгаузена, «Как я была маленькая» (В.М. Инбер).

Папа и мама не дискутировали об идеологии. Папа был членом партии. Честно работал, пользовался уважением коллег и руководства. И, насколько можно было заметить, его искренне уважали подчиненные. А мама тихонько нам-детям давала возможность приобщиться к православной вере. Сама по воскресеньям, бывало, ранним утром уходила на службу в храм, и возвращалась, когда мы-детвора еще дрыхли. Говорила: «Здравствуйте, Бог милости прислал и благодати, и велел вам дати», помогала подняться, одеться, прибраться, кормила завтраком. Росла мама в большой семье, их было четыре сестры и три брата. Через эту разветвленную родню мы и географию понемногу усваивали: Ленинград, Колпино, Москва, Докучаевск, Пермь, Ржев. Время от времени родственники к нам приезжали, реже – мы куда-то выбирались. А письмами-открытками обменивались исправно. Общение по телефону тоже подпитывало родственные чувства. Ой, нужно про маму вот что сообщить. Однажды она, придя с родительского собрания, где меня, по обыкновению, распекали, прямо сказала папе: «Сил моих больше нет, ходи, пожалуйста, ты». И с тех пор, действительно, эту эстафетную палочку перехватил папа. Кстати, и ситуацию с моими бесконечными «коленцами» удалось пережить-выправить. Но о том речь чуть позже, когда буду писать про Жанну Петровну. Так или иначе, за переживания, за слезы-обиды, которые ты, мама, имела от меня, прости, дорогая! Надеюсь, что все же успел папе-маме в последние годы доставить положительные переживания. Не только женился-остепенился, но и даже самую первую книгу «Лекций по этике» [Зимбули, 2003] посвятил папе и маме. В эпиграфе так и написал: «Моим замечательным родителям – Евгению Андреевичу и Галине Ильиничне – с неизреченной благодарностью».

Дедушку и бабушку по папе я не видел, папа осиротел еще подростком. Но уже по тому, о чем было сказано, как между собой общались четверо их детей, однозначно ясно – АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ и ТАИСИЯ АНАСТАСОВНА смогли передать им самое главное: человечность-старательность-вдумчивость.

Маминых папу и маму, ИЛЬЮ ЯКОВЛЕВИЧА И МАРИЮ ИВАНОВНУ ИПАТОВЫХ, я знал довольно близко, хоть и жили мы в Ленинграде, а они в Колпине, – но мы там бывали частенько, да и ДЕДУШКА ИЛЬЯ к нам исправно

наведывался. Про дедушку, если говорить максимально сжато, нужно сказать: доброжелательный, взвешенный, хозяйственный, взгляд иногда с лукавинкой. Я общался с ним, когда он был уже в пожилом возрасте, но всегда впечатляло его спокойное умение все делать неспешно, ловко, я бы даже сказал виртуозно.

Однажды меня посетила такая мысль: разве не удивительно, что простой крестьянин, ни богатств не снискавший, ни образования в университетах не получавший, нес в себе крепкую внутреннюю силу, источник которой многие ищут в разного рода рейтингах, или протянутых в прошлое дворянских родословных? И как одну из объясняющих, по-моему, версий принял такую: дедушка Илья учился еще в дореволюционную пору, и ему был привычен церковно-славянский смысл названий русских букв «Аз», «Буки», «Веди». То есть – «Я знаю буквы». Для наших не таких уж далеких предков было естественно входить в мир, не теряя своего «Я». Тогда как после языковой реформы 1917-1918 годов «Я» оказалась последней буквой в алфавите. Это еще спасибо, что А.В. Луначарскому не удалось заменить кириллицу латиницей, как он того хотел... В общем, к понятию «Достоинство» лично я без труда как яркую иллюстрацию вижу образ моего дедушки: спокойного, доброжелательного, умелого.

БАБУШКА МАРИЯ ИВАНОВНА – удивительнейший человек. Не помню ее сидящей без дела. О! Наверное, будет корректным привести когдатошнее мое стихотворение:

БАБУШКИНЫ РУКИ

Где-то есть детство

Красный угол. Рушники.

Образà с лампадкой.

Печь. Сундук. Половики.

Лавка. Фикус в кадке.

Свежевымытых полов

Запах,

Бантик с ниткой у кота

В лапах,

Треск сухих горящих дров,

Дрема.

Чистота и простота

ДОМА.

И я знаю: весь уют –

ароматы, звуки –

Создают и берегут

бабушкины руки.

Жилистые, сухонькие

мазей не искали,

В огороде, кухоньке

целый день мелькали:

МИША: спокойный, добрый, работающий. Уже незадолго до ухода из жизни он поведал о таком эпизоде своей жизни. Из Любани, где в начале Великой Отечественной войны жила семья Ипатовых, их – дедушку, бабушку и четверых младших детей – угнали на Запад. В частности, под Елгаву (Латвия). Вот там-то однажды дедушка ушел на покос, а бабушка собрала для него еды перекусить, и вручила корзинку со снедью сыну Михаилу, которому было в ту пору лет четырнадцать. И вот на полпути к полю Мишу останавливает немецкий часовой: «Мальчик, куда идешь? Что несешь?». А мальчику уж очень не хотелось делиться продуктами – тем более с фашистом. И он выпалил, показав на корзинку: «Бомбу!». Часовой со страха прикрыл голову руками, и бросился в канаву. А мальчик опрометью кинулся туда, где шел покос. Вечером же к дому, где размещались русские батраки Ипатовы, пришли разбираться староста с военным комендантом. Дедушке как-то удалось замять скандал. Помню Мишу как неизменно улыбчивого, светлого. Кстати, делюсь такой деталью. Шел я однажды в послерабочее время по правой стороне Садовой улицы – с Вознесенского проспекта в сторону площади Мира. И где-то на полпути, возле цветочного магазина, вдруг щемяще подумал про Мишу. Где он, что он? А когда, уже придя домой, созванивался с мамой, оказалось, что именно в то время, когда я про Мишу вспомнил, остановилось его сердце в Колпине.

КОЛЯ, младший из маминых братьев: работающий, мягкий, отзывчивый, безотказный, скромный, надежный. Всегда был готов помочь, что-то привезти, с кем-то из детей посидеть. Почему-то помню, что именно с ним ходил в кино и смотрел первый запечатлевшийся в памяти фильм «Над Тиссой». Что-то про пограничников, шпионов, собак. И главное – очень патристическое содержание. Каким был и Коля. Очень положительный человек!

Пожалуй, трудно строго выдерживать хронологию, раз уж я стал называть родственников. Доназываю самых значимых-запавших в душу родных. ДЯДЯ ВАНЯ, старший папин брат. Тоже железнодорожник. И тоже чем-то значимым еще со времен Великой Отечественной заработавший себе авторитет в родном для себя Докучаевске. Я дважды неподолгу гостил у него, умного, приветливого. Где-то я про него уже говорил, что его самое страшное ругательство было – «Вот холера!». Мало кто из моих знакомых пользовался столь подчеркнута выказываемым почтением со стороны своего ближайшего окружения.

ТЕТЯ ГАЛЯ. Сестра папы. Тоже жила в Докучаевске. Бывала у нас в Ленинграде. И я у нее тоже пару раз гостил. Должен признаться: был нелюбопытным. Не допытывался о ее трудовых подвигах, о подробностях личной жизни. Но собеседницей тетя Галя была неизменно интересной. А уж сколько гастрономических рецептов умела воплотить! И огородец у нее был маленький, но образцовый.

ТЕТЯ ВИТЯ, москвичка. Старшая из сестер папы. Когда про нее вспоминаю, первое слово, приходящее на ум – благородство. Могу запоздало повиниться перед нею. Меня-шестиклассника однажды папа посадил в поезд – и отправил на зимние каникулы гостить именно к тете Вите. И вот она где-то предоставляла меня самому себе – власть нагуляться по центру города, от

Якиманки (тогда ул. Димитрова) к Кремлю, посетить Третьяковку, Бородинскую панораму, ВДНХ, – а на какие-то новогодние мероприятия ходила со мной вдвоем. Помню, в уютном доме культуры энергично и трогательно пел хор ветеранов. А повиниться мне нужно вот в чем. Как-то сижу у нее в комнате, ужинаю. На стене висит в аккуратной раме портрет какой-то, как мне показалось, заносчивой молодой женщины. И я спрашиваю:

-Тетя Витя, а кто это?

- Это я в молодости.

- Вы сейчас красивее!

Понятно, я нисколько не хотел ее обидеть – наверняка многим известно, что с возрастом женщины могут светлеть лицом, в том числе это происходит и с теми особами, которые в молодости бывали склонны к конкуренции и самоутверждению.

В общем – тетя Витя промолчала. В том числе за это – мой низкий ей поклон.

Уже много лет спустя я опять останавливался у нее, на другой квартире, неподалеку от станции метро «Университет». Старенькая, согбенная годами, тетя Витя неизменно оставалась приветливой хозяйкой и интересной собеседницей.

А тот визит запомнился мне еще беседой с ее сыном, моим ДВОЮРОДНЫМ БРАТОМ ЮРИЕМ ДРОБОТОВЫМ. Время от времени он по делам приезжал в наш город, я знал только, что он занимается чем-то радиотехническим, преподает в вузе, и, по всей видимости, засекречен. Так вот, в тот раз (было это в 1993 году, мне посчастливилось участвовать в работе всемирного философского конгресса, он проходил именно в Москве, и ночевать я приходил в квартиру к тете) уже в день отъезда мы на завтрак пересеклись с Юрой. И он мне вдруг нарисовал на бумажке маленький примерно равносторонний треугольник. Справа на основании треугольника точкой обозначил небольшой отрезок. А потом от этой точки провел наклонную линию вверх, вдоль ближайшей боковой стороны треугольника. И дал пояснение:

- Представь себе, что это общество. Сволочей наверху больше, чем внизу. Если изобразить общество как пирамиду, то внизу их может оказаться, скажем, 0,6%. Но уж наверху они соберутся все.

Ни отстаивать, ни оспаривать высказывание брата не берусь. Но за само это предупреждение – большое ему спасибо!

Родственники продолжают. САМАЯ СТАРШАЯ СЕСТРА АЛЛА. Она всегда была и остается для меня солнечным примером – добро-креативного мироотношения. Особенно это впечатляло в ту пору, когда по окончании Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта сестра поехала работать в Донецк. Каждого письма от нее мы ждали, как для подзарядки. В нем обязательно и показательно описывались интересные недавние события, которые или наблюдала, или инициировала сама Алла. То, что она с детства хорошо умела рисовать-петь-рифмовать-танцевать, дополнилось тем, что требуется от хорошего сценариста и журналиста. Я,

бывало, чуть ли не завидовал тем, кто был вживую свидетелями или участниками многих самодеятельных акций, проходивших по разным поводам в организации, которая, если не ошибаюсь, называлась Дорпроект (сотрудники между собою это название переименовали в «Дырпыр»). А уж когда Алла, не каждый год, приезжает в Ленинград-Петербург, со своими двумя дочками, с мужем Владимиром – то сразу всех заражает искристой энергией жизнелюбия. Доброго здоровья тебе, всяческого позитива, дорогая Аллочка!

СТАРШАЯ СЕСТРА ВИКА. Я родился, когда ей было четыре с небольшим годика. И вот однажды мама оставила меня-новорожденного с сестричкой в комнате, а сама пошла на кухню. И вдруг слышит – крики, шум. Прибегает – видит, мы оба плачем. Когда сестренка чуть успокоилась, то объяснила, в чем дело. Мама все говорила мне: «Сладенький мой, сладенький!». И наивная сестричка решила попробовать – укусив меня за большой палец ноги. Прошли годы. Много лет. Пытаюсь – усиленно! – вспомнить, а чем, когда, и как меня обидела старшая сестра Вика. И НЕ МОГУ! Удивительный человек! Каждый вечер долгие годы созванивался с нею, обменивался новостями-наблюдениями-оценками-надеждами. И когда, увы, Вики не стало, для меня это было шоком ни с чем не сопоставимым. Но через несколько дней я поймал себя на том, что мои сокрушения сестру не вернут. Более того – в них я оказывался едва ли не эгоистом. Она – ушла. Это мне еще очень сильно повезло, что она такая близкая-умная-отзывчивая была рядом со мною столько лет. В общем, я попытался собраться с мыслями – и даже опубликовал текст на тему «Утрата». СПАСИБО, МИЛАЯ ВИКА! Светлая тебе память!

Пожалуй, про родню уже достаточно. Мне с нею сильно повезло. Кстати, особенно это тепло ощущал я все двадцать пять месяцев армейской службы – каждое коротенькое письмо из Ленинграда, Ржева, Докучаевска было как подарок, как душевная подпитка. За это тепло – благодарность близким несу уже долгие годы.

Кстати, не только родным я благодарен за опеку-поддержку-добрые наставления. С О С Е Д И. В детстве-юности жил я с нашей семьей в коммунальной квартире. Опыт это дает бесценный. Люди непохожие, с разными вкусами-привычками-предпочтениями, а по воле обстоятельств вынужденные крутиться в ограниченном пространстве мест общего пользования: кухня, коридор, ванна, туалет, один стационарный телефон. Помню, соседи из комнаты напротив, ТУРИНЫ, ВЛАДИМИР САМОЙЛОВИЧ и СОФЬЯ АБРАМОВНА, как только приобрели телевизор, стали приглашать нас на телепросмотры. Я практически туда не ходил, но сам факт добрососедской приветливости мне запечатлелся прочно. Как, к сожалению, тоже прочно на общем взаимоуважительном фоне запечатлелись периодические гастрономические опыты соседки КАЗАКОВОЙ (виноват, ее имени-отчества память не донесла) – она время от времени, по каким-то своим праздничным датам, не слушая ничьих протестов, жарила селедку (негативный пример – это ведь тоже пример). Перед школой и первые годы обучения, помню, в нашем доме, в парадной напротив, жила немолодая невысокого роста темноволосая ПРИВЕТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА,

которая в хорошую теплую пору выносила во двор раскладной стул – и читала нам-детишкам, окружавшим ее гурьбой, то рассказы Виталия Бианки, то жизнеописание Гулливера. Никаких про нее не знаю подробностей, кажется, во время Великой Отечественной она была медсестрой. Так или иначе – ее доброе-заботливое-чистосердечное отношение к чужой, по сути, детворе заставляет верить в добрую природу человека вообще. Для меня с тех пор само собою разумеющимся было то, что окружающий мир наполнен равнодушными людьми, которые готовы в случае чего помочь, но и вправе ждать моего участия.

Подступаю к кратким сюжетам, связанным со школой, и тут пришла пора уточнить понятие «наставник». У В.И. Даля и в современных словарях¹ оно трактуется как «учитель или воспитатель, руководитель» [Даль, 1956: 474]. Надеюсь, из предшествующего повествования уже становится ясно, что лично для меня слово «наставник» вовсе не обязательно сопряжено с прямым руководством-подчинением. Скорее, суть здесь задается тем, что кто-то помогает нам выработать собственное отношение к жизни – а уж как именно это происходит, примером, советами, намеками, предостережениями, запретами, это уже не так важно. Главное – что при помощи наставника формируются характер, ценностные предпочтения, так называемые скрепы, при помощи которых мы включаемся в культуру. Итак, школа.

Это была ШКОЛА № 206, на Фонтанке, неподалеку от Чернышева моста. Учебное заведение с богатыми традициями, солидным педагогическим коллективом, разнообразными коллекциями методических пособий, добротной библиотекой. Тогда всем нам было известно, что давним выпускником нашей школы был Аркадий Райкин. Уже позднее прославится закончивший школу Сергей Довлатов, и постепенно я буду узнавать еще славные имена выпускников разных лет. Например, поэта Николая Семеновича Тихонова и писателя Ивана Антоновича Ефремова, физика-теоретика Якова Борисовича Зельдовича. Пока же просто предстояла учеба.

АГНИЯ ВАСИЛЬЕВНА МИХАЙЛОВА – это моя самая первая учительница. Нас в классе было более 40 человек. Как она с нами управлялась – ума не приложу! Меня-первоклашку первого сентября трижды ставила в угол, конечно, не помню, за какие проделки. Вела у нас Агния Васильевна четыре года все основные предметы, кроме физкультуры, труда и пения. Мы ее, умную, строгую, заботливую, опытную, конечно же, очень уважали и любили. Ой, вдруг вспомнил почти нелитературный случай. Сидел я тогда в правой колонке, за второй от доски партой. Слева от меня сидела одноклассница Надя Зайцева. Очень высокая и очень полная девочка. А вдобавок она между собою и мной на нашей скамеечке поставила свой туго наполненный портфель. Я именно по этому поводу обозвал Надю «гадиной». Она подняла руку, и на вопрос Агнии Васильевны пожаловалась: «А Андрей обзывается!». Я встал, повинился. Сел – и вполголоса опять прошептал соседке: «вот гадина...». Но подобных моментов

¹ См., например, Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/17406/> (дата обращения 23.08.23).

вообще-то было исчезающе мало. Преобладали позитив, старания, помощь слабым ученикам со стороны отличников, разные кружки, самодеятельность, создание школьного музея всеобщими усилиями, выезды на природу в День птиц и к музею-шалашу Ленина в Разлив, экскурсии в трамвайный парк и в Русский музей. Первая учительница, Вы навсегда в памяти – **УЧИТЕЛЬНИЦА** с Большой Буквы!

Зацепил по именам далеко не всех учителей. Помню учительницу истории **КСЕНИЮ АЛЕКСАНРОВНУ АКИМОВУ**. Страстью к копаниям в древности я не заразился, но серьезное, уважительное, вдумчивое отношение к прежним временам усвоил прочно. Причем почему-то в памяти сохранилось не столько то, как она вела уроки, как спрашивала (она, по-моему, была одной из самых опытных преподавательниц той поры), сколько то, что ее сын работал в библиотеке. Приветливый, доброжелательный, умный. Семейственность, по-моему, бывает очень симпатичной и порядочной.

Обязательно нужно назвать также **АЛЕКСЕЯ ЕВЛАМПИЕВИЧА ЧЕМОДИНА**, учителя физики. Невысокого роста, тихого, спокойного, доброжелательного. Его, среди прочего, отличало от других преподавателей то, что он каждого из нас-пятиклашек стал называть «на Вы». Низкий Вам поклон, дорогой Алексей Евлампиевич, – и за добротные уроки, и за уважение к нам-подросткам. Как видно из разворачиваемых рассуждений, уже само по себе упоминание того или иного учителя оказывается преимущественно фактом позитивным. Таков контекст. Если б мы вели речь об эффективности-отдаче в работе педагогов среди постоянцев какой-нибудь исправительно-трудовой колонии – все было бы по-другому. А так – спасибо всем учителям!

Математику нам преподавала **ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БОРОВИЦКАЯ**. Степенная, методичная, обстоятельная, с неизменно приветливым выражением широкого лица. Не знаю, откуда берутся прозвища учителей. Кто и когда первый назвал Евгению Александровну «Евгешей» – не знаю. Именно так мы звали ее за глаза. Но согласитесь – это звучит куда симпатичнее, чем «Чемодан» (так, сказав его фамилию, звали только что названного Алексея Евлампиевича Чемодина. Могу признаться: спустя годы мне вдвойне неловко за это прозвище перед тем, кто приучал нас ко взаимоуважительности). Или чем «Оскарیدا» (такое заочное имя было присвоено недолго преподававшему у нас физкультурнику Виктору Оскаровичу, человеку энергичному, но весьма нервному).

Русский язык и литературу, начиная с пятого класса, нам преподавала **ЖАННА ПЕТРОВНА ПАРФЕНОВА**. Наш класс достался ей сразу после выпуска из Ленинградского государственного педагогического института (это как раз Российский государственный педагогический университет, где нынче я работаю). Пытаюсь сквозь прошедшие годы понять энергетику моей тогдашней непоседливости, но приходится признаться: наша доброжелательная-приветливая-старательная-умная-очаровательная классная от нас, трудноуправляемых пацанов, в том числе от меня, претерпела немало огорчений. А даже и слез. Но – спасибо ей! – однажды Жанна Петровна спросила меня:

«Андрей, не попробуешь ли ты подготовить сообщение о культуре речи?». Я пошел в библиотеку – обложился текстами Б.Н. Тимофеева, Л.В. Успенского, кого-то еще, публикациями о словах-паразитах – увлекся. Выступил с рассказом на заготовленную тему перед классом. Главное же – милая Жанна Петровна, как мне кажется, нашла для налаживания отношений между нами не отмычку, а волшебный ключик. К русскому языку с тех пор отношусь с осознанной бережливостью, радостью, уважением, гордостью. Хоть профессионально занимаюсь вовсе не языковедением, но в своей сфере немало интересных тем наотыскивал как раз на стыке этики и филологии – перечислю только несколько: о культуре речи, о заглавной букве, о зоолингвизмах, наречиях, междометиях, о смысловых лакунах в справочно-философских изданиях по этике. За то, что учили нас вдумчивости, честности, за то, что настраивали жить по уму и по совести – спасибо, дорогая Жанна Петровна! Доброго Вам здоровья и радостей в многоцветном мире! Спасибо родной школе!

После школы (которую именно в ту пору ненадолго сделали восьмиклассной) поступил я в Ленинградский физико-механический **Т Е Х Н И К У М**. Образование нам там давали самое что ни на есть полноценное. И даже то, что после армии меня судьба развернула в другую, совершенно не техническую сторону, нисколько не ослабляет моей благодарности в адрес техникумовских преподавателей. Напротив, как раз из гуманитарной сферы, где бывает ой как много разглагольствований ради красного словца (или, что мне представляется еще страшнее, – ради очередного гранта), логика предметов технического цикла видна во всей ее красе. «Электронные, ионные и полупроводниковые приборы», «Электротехника», «Приборы управления», «Сопромат» – чувствуете, как злободневно и актуально звучат даже названия этих дисциплин! Спасибо преподавателям, которые приучали меня во время учебы в техникуме к четкости, всесторонности, последовательности, аргументированной взвешенности рассуждений.

Назову только некоторые имена, без уточнений наименований предметов: **ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ БЕЛЕНЬКИЙ**, **ГИВИ БОРИСОВИЧ ГОГОБЕРИДЗЕ**, **ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВИЧ ЕГИН**. Про последнего добавлю: мое почтительное к нему отношение подкреплено тем, как он с нами выезжал на сельхозработы, как уважительно-требовательно-бережно относился к нам-горожанам-шефам и к тамошнему населению.

К сожалению, не помню фамилии –нужно еще одно имя назвать. **ДИНА ГРИГОРЬЕВНА**. Она недолго вела у нас курс литературы. И я очень благодарен ей за то, что после сочинения на вольную тему (деталей, конечно, не помню, память ухватила главное) похвалила меня за самостоятельность и доверительность рассуждений. Эти качества сегодня я справедливо ценю и в студентах, с которыми общаюсь. Впрочем – не буду представлять четыре года техникумовской учебы исключительно в розовом цвете.

Наша искренне уважаемая классная руководительница **АГНИЯ БОРИСОВНА МИХАЙЛОВА** однажды организовала проведение комсомольского собрания – после того, как наш одноклассник Саша Валуйкин

угодил в вырезатель. Саша прекрасно пел, играл на гитаре, пытался заниматься живописью – что-то абстрактное изображал красками на холсте. В общем – был интересной во многих отношениях личностью. Сидим, слушаем Сашу. Спрашивают его: «А часто ли ты выпиваешь? Ведь тебе стипендию выписали только с учетом того, что мама одна воспитывает тебя и твою сестру». «Так я ж не сам плачú – меня угощают». «И часто угощают?». «Ну – на седьмое ноября, первое мая, на Новый год, в Пасху». «Ах, в Пасху! Ты же комсомолец – как ты можешь!». И тут в обсуждение встрял я: «Что вы придираетесь? И новый год не совсем светский праздник, и на Пасху во многих обычных семьях красят яйца. Да ведь и религия вовсе не однозначный минус – русские люди на Куликовом поле воевали под хоругвями!». Тут обсуждение развернулось в мою сторону. А когда спустя некоторое время от техникума в военкомат нужно было предоставить характеристику, Агния Борисовна в конце моей характеристики записала такие слова: «... по характеру живой, общительный, добрый. Но не всегда бывает принципиальным». Тогда как я и по сей час полагаю, что во время обсуждения Саши Валуйкина высказался честно-принципиально. За этот урок – о том, что принципиальность люди, бывает, понимают по-разному, – спасибо техникуму и лично Агнии Борисовне. А с одноклассниками мы (уже больше полувека!) храним добрые, взаимоуважительные отношения, делимся новостями, изредка встречаемся.

А Р М И Я. Вскорости после окончания техникума меня призвали на срочную службу (недолгую работу по распределению – на заводе им. М.И. Калинина – я уж позволю себе к этой теме не привлекать, хотя, конечно же, без интересных событий это время не обошлось). Первые армейские полгода – село Медведь, Солецкий район, Новгородская область. Думаю, военной тайны не раскрою: с осени 1968-го по весну 1969-го года там была учебка, в которой готовили сержантов для ракетных войск и артиллерии. Тем, кто хоть что-то слышал про военную службу, не нужно рассказывать, как отличаются войсковые будни от гражданской жизни. Обязательность формы, строгие команды, бесконечные занятия по строевой подготовке, по уставу, по техническим вопросам, дежурства, так называемые наряды, дисциплина, дисциплина, дисциплина. Но я должен признаться: хотя в армию не рвался, но требования к нам-курсантам оказались совсем не запредельные. На время подъем? Пожалуйста. На время отбой? Легко. Подтянуться? Без проблем. Азбуку Морзе выучить? Спасибо, очень интересно. Меня даже во взводе прозвали Счастличик. А что? – одежду дают, крыша над головой есть. Регулярная баня, смена постельного белья, кормежка. Подворотничок ежевечерне подшить – разве это в обиду? И тем более, что служба не долгие времена, как при царе, а через два года опять отпустят на гражданку. В общем – воспринимал командиров со спокойным уважением – в особенности, когда **СЕРЖАНТЫ ФЕДОТОВ И ГРИШИН** сами прекрасно ходили на плацу и выбивали морзянку.

А про **КАПИТАНА СИЛИГОВА** – вообще отдельный разговор, в одном из сборников «Лекций по этике» я описал случай, когда командир меня реально выручил, за что ему несказанная моя благодарность до конца дней [Зимбули,

2015: 215-217]. Требовательный, умелый, справедливый, заботливый, великодушный!

Остальные полтора года армейской службы проходили в г. Черняховске под Калининградом. Назову здесь хотя бы одно имя: тогдашний замполит батареи управления, СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ПЕСТОВ. Строгий, умный, начитанный, стратегически мыслящий. Правда, я не на все его предложения отозвался. Комсоргом батареи стал, знаменосцем части – стал. А вот в партию вступить не захотел. Но в целом, сильно надеюсь, я его не разочаровал и не подставил. Вообще же по поводу двух лет с хвостиком, проведенных в армии, не грущу. Напротив – кто знает, может, будучи человеком компанейским, отзывчивым, наподобие Саши Валуйкина, я б уже прошел опыт и вытрезвителей, и мест исправительно-трудовых? Так что благодарен нечаянной дисциплинирующей армейской паузе, которая, повторю, меня в итоге развернула в сторону гуманитарного всматривания в мир. Правда, к упомянутым дисциплине, командиру батареи, замполиту и двум сержантам нужно было бы добавить такой фактор, как обстоятельства. Надличностные, или производимые неизвестными субъектами. Ведь не всегда нам поименно известны конкретные люди, кем именно определяются значимые для нас события. Событие произошло – а нам неизвестно, кто его учинил-спровоцировал-допустил. Вот, говоря про армию – я должен бы добавить те вопросы, которых я до службы и ведать не ведал. Почти навскидку – это вопросы о неуставных отношениях, о формальном отношении к своим обязанностям некоторых капртерщиков и хлеборезов, о том, должен ли происходить отбор в офицерский корпус, или о том, откуда берутся дезертиры. Спасибо армии и за эти возникшие в ней вопросы. В школе, в техникуме про них и намека не было.

УНИВЕРСИТЕТ и РАБОТА. После демобилизации, походив с полгода на подготовительные курсы в Военно-механический институт, окончательно убедился: профессию мне нужно радикально менять, и поступил в Ленинградский государственный университет на вечернее отделение философского факультета. Так что учеба пошла параллельно с работой. Сперва, пожалуй, выскажусь об учебе. Она для меня тогда была как свет в окошке. Не буду перечислять всех (а их было много!) интересных-умных-авторитетных-полезных преподавателей. Приведу всего несколько преподавательских имен и приметных ситуаций.

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ заведовал в ту пору кафедрой этики и эстетики, был опытным-авторитетным-заботливым руководителем, на кафедре шла активная научная жизнь, туда постоянно приезжали коллеги со всех концов страны, из-за рубежа, там проходили аспирантские семинары, солидные конференции. Но я приведу конкретный эпизод из моей учебы. Защищаю самую первую курсовую работу. И вдруг Владимир Георгиевич, глядя в текст, обнаружил, что я какую-то цитату второпях по невнимательности искажил. Оценка мне была занижена, урок преподнесен, с тех пор неизменно стараюсь как можно ответственной относиться к изучаемой литературе. И, надеюсь, не будет сильным хвастовством с моей стороны, если я сообщу здесь же вот что. Когда

спустя много лет Владимир Георгиевич преподносил мне свою книгу «Историю этики средних веков» [Иванов, 2002], то написал на титульном листе следующие слова:

«Дорогому Андрюше от автора.

P.S. А дальше – читай подпись на портрете Жуковского Пушкину.

В канун 8 марта и в Прощеное воскресенье

7.3.2002г.»

(Имелась в виду известная история. Когда Василий Андреевич Жуковский познакомился с «Русланом и Людмилой», то написал следующее: «Победителю-ученику от побежденного учителя»).

Дорогой Владимир Георгиевич, спасибо за великодушное сравнение! Огромное спасибо Вам за многие и разные уроки. Учителей, конечно же, нужно не побеждать, а продолжать! Буду стараться!

МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН. Кафедра, напомню, называлась «Этики и эстетики». Так вот, эстетическое направление возглавлял именно Моисей Самойлович. Не только блестящий лектор, но и отменный рассказчик. В частности, щедро делился впечатлениями об очередных поездках. Будучи на научном мероприятии в Тбилиси, взял на себя роль тамады и достойно с ней справился. Справедливо пользовался уважением коллег в стране и за рубежом. А кроме слышанных его докладов-выступлений, читанных учебников, статей – хочу сослаться на такой отдельный жизненный эпизод. Только-только состоялась защита трех кандидатских диссертаций, в том числе моей. Голосование единогласно утвердило меня в кандидаты. И вот, уже в коридоре факультета, Моисей Самойлович пожимает мне поздравительно руку, и, с лукавинкой улыбаясь, прибавляет: «Мы, Николай Второй». А дело в том, что в своей речи я раза три-четыре произнес отстраненное-скромное «мы». И действительно, я благодарен Моисею Самойловичу за это ироничное замечание. В русском языке есть другие способы показать научную объективную отстраненность и личную скромность автора. С тех пор я и студентам советую в серьезных официальных текстах пользоваться оборотами типа «в исследовании ставились задачи», «в изученных источниках удалось обнаружить», «как показывает анализ литературы» и им подобными. Без нарочитого «мы», и без ненужного «я». И еще одно спасибо Моисею Самойловичу. В 1999-м году мне не удалось доехать до Екатеринбурга, где проходил Второй Российский философский конгресс, и по моей просьбе Моисей Самойлович, всюду ездивший налегке, оттуда привез мне книжку изданных к конгрессу текстов, среди которых было и мое коротенькое рассуждение про русское «авось» [Зимбули, 1999]. Спасибо и за этот урок безотказности-любезности!

ВЕРА ЯКОВЛЕВНА КОМАРОВА рассказывала нам о древнегреческой философии. Обаятельная, светлая, увлеченная, она буквально зажигала в слушателях живое внимание к своему предмету. Особенно хочется подчеркнуть, что после ранения на войне дикция у Веры Яковлевны была далеко не идеальной, но своим интересом к предмету и уважением к слушателям она нас завораживала. Не так давно я перечитывал ее книгу о философии Зенона

Элейского [Комарова, 1988] – и не мог нарадоваться глубине-мощи-тонкости-доходчивости объяснений.

К сожалению, моя память не зацепила имени-отчества профессора М.В. ВОРОБЬЕВА. Зрительно – очень живо его себе представляю: пожилой, высокий, худощавый, подтянутый. Он читал нам «Диамат». И когда зашла речь о добровольных докладах, то я вызвался выступить на тему «Закон отрицания отрицания». Долго сидел, готовился в читальном зале Публичной библиотеки, выискивал-выписывал убедительные цитаты, впечатляющие примеры. Вроде бы текст получился цельный, добротный. Но – сколько в нашей жизни случается непредсказуемостей! – перед самым занятием, в аудитории вдруг я обнаружил, что заготовленный текст забыл дома. Стыд, ужас! – подбегаю к профессору, каюсь. А он не только воспринимает мою весть спокойно, но и успокаивает меня – дескать, можно выступать и без заготовки. Ну ведь сам же текст готовил. Я подуспокоился, и выступил вполне внятно. Не все подробности текста озвучил, но-таки доверенный вопрос удалось изложить цельно, убедительно. За доверие, вселяемое спокойствие, за то, что приучал нас быть самостоятельными-вдумчивыми-ответственными, профессору Воробьеву мое искреннее спасибо!

БОРИС ИВАНОВИЧ ФЕДОРОВ вел у нас курс логики, кажется, семестровый. По ходу занятий мне несколько раз удалось продемонстрировать включенность в материал. Кстати поднимал руку, выходил к доске, что-то по делу спрашивал и отвечал. И ничего удивительного не стало в том, что Борис Иванович пообещал мне поставить «автоматом» пятерку. Радости моей не было предела. И надо же! в день экзамена выяснилось, что Б.И. слег в больницу. Кажется, с менингитом. То есть – надолго. И вместо него с ведомостью пришел совершенно незнакомый преподаватель. Пришлось мне тянуть билет. Собрался с мыслями, что-то рассказал. Экзаменатор берет зачетку, и говорит: «Ну что же, хорошо». А я чуть не заплакал. По сравнению с честно заработанной пятеркой это было унижительно. Я попросил дать мне еще билет. Удивленный преподаватель не возражал. И когда на новые вопросы я ответил гораздо более уверенно, то с полным основанием мне была поставлена «пятерка». Надо ли говорить, насколько я ликовал! Спасибо, Борис Иванович, я подтвердил Вами авансированную оценку!

ЮРИЙ НИКИФОРОВИЧ СОЛОНИН запомнился среди прочего высшим пилотажем рассуждений: Он вел у нас предмет «Критика идеологии антикоммунизма», и даже успешно сдал ему зачет по этому предмету, я не очень-то понимал, а каких же идеологических взглядов придерживался наш преподаватель. Уже много позже, встретившись с Юрием Никифоровичем на торжественном закрытии московского философского конгресса 2005 года, я напрямую спросил его – «Так кого же, собственно, Вы критиковали?» В ответ прозвучало: «Я критиковал принцип». Насколько понимаю, в рассуждениях Юрия Никифоровича на упомянутом предмете он не столько увиливал от высказывания собственного мнения, сколько не давил на наше.

ВИЛЛИ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРИЦКИЙ – вот настоящий УЧИТЕЛЬ с большой буквы! Когда мне пришла пора на кафедре этики и эстетики ЛГУ

специализироваться по конкретной теме, то выслушав мои сбивчивые рассуждения про занимающие меня вопросы, мне предложили позвонить недавно защитившему диссертацию примерно этой тематики преподавателю другого вуза. Диссертация была о философии Альберта Швейцера, а преподавателем из другого вуза – Вилли Александрович Петрицкий. Философ, культуролог, библиофил, поэт, интереснейший-обаятельнейший-отзывчивейший человек. Приятный во всех отношениях. Мудрый. Светлый. Порядочный. Он, прямо можно сказать, стал моим наставником – начиная от курсовой работы, диплома и далее – когда я не очень спешно шел к кандидатской, потом к докторской. А уж сколько счастья у меня было, когда он, 88-летний, пришел на наш факультет философии человека РГПУ, где я работаю, к подведению итогов конференции, посвященной моему 70-летию! И не просто сидел, а тамадил. За ум, душевную щедрость, лучезарность, высокий пример человечности и порядочности – низкий Вам поклон, дорогой Вилли Александрович!

Назову еще два имени с философского факультета. Они связаны с годами более поздними, чем учеба. В аспирантуру я и не думал поступать, а оформил так называемое соискательство. Типа заочной аспирантуры. Тему мне на кафедре утвердили, научного руководителя, как и с дипломом, нашли «со стороны». РИММА ПАВЛОВНА ШПАКОВА работала на одной из соседних кафедр. Своих дел у нее было выше головы – а тут еще какого-то подопечного с соседней кафедры навязали... Понимаю, ей мой ненаглядный Альберт Швейцер был, мягко говоря, не очень интересен. Меня же протокольные требования подпирали, нужно было что-то по теме опубликовать – и я обратился с предложением к своей научной руководительнице, Римме Павловне, написать совместную статью. Половину текста написал – и она (несмотря на сильную загруженность своими плановыми делами) отозвалась, дописала вторую – в «Вестнике ЛГУ» статья вышла [Шпакова, Зимбули, 1989]. Спасибо Римме Павловне Шпаковой за доброжелательное участие. Светлая ей память!

Наконец – лаборант кафедры этики и эстетики, ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА ВИТЕС. Сколько нас, таких очных и заочных соискателей крутилось вокруг выпустившей меня университетской кафедры – даже не представляю. Лично я бывал там довольно регулярно – ведь не только нужно было аспирантские экзамены сдавать, но и тематика кафедральных обсуждений, аспирантских семинаров, тамошних конференций мне всегда были созвучными. И вот однажды, когда я в очередной раз зашел на кафедру, в помещении была только Лариса Александровна. И тут она неожиданно меня спрашивает:

- Андрей, а когда ты собираешься обсуждать текст?

Вопрос, что называется, «попал в яблочко». Оказался толчком. Ведь читать, думать, делать выписки, дискутировать и собираться с мыслями, погружаясь в тему, вообще-то можно бесконечно. И вот – приблизительно через месяц я принес на кафедру текст кандидатской. Его вскорости обсудили и рекомендовали к защите. Спасибо, дорогая Лариса Александровна! Я Вас по праву считаю «крестной мамой» моей кандидатской диссертации.

РАБОТА. Напомню: поступил я на вечернее отделение – и пока шесть лет учился, поочередно успел поработать, приблизительно по два года, на трех местах. Первое – железная дорога, локомотивное депо ТЧ-7. Там я был слесарем-инструментальщиком. Мастером нашим был ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЛЕТАЕВ. Мастер – в полном смысле этого слова. У него все в руках спорилось, и он умел не только разобраться в своем хозяйстве, но и объяснить: как, что, зачем, при помощи чего, как надолго может быть сделано-починено-проверено. Спокойный, доброжелательный, полноватый, седой – он был человеком на месте и при деле. Помню, однажды в депо привели на экскурсию каких-то иностранцев. Они ненадолго зашли в наше помещение – вдруг громко дружно захлопали. Оказывается, им сообщили, что Илья Александрович работает здесь уже больше тридцати лет. Солидарен с ними: долго и исправно работают на одном месте люди нужные, порядочные, надежные. Светлая память Илье Александровичу!

Вторые два года я работал в Публичной библиотеке – втянувшись в учебу, я понял, что разрываться между тремя адресами (работа-учеба-дом) мне становится все сложнее. И когда через знакомых услышал, что в Публичной библиотеке требуется электромонтажник – заявил о своем желании туда перевестись. Перешел, оказался в маленькой бригаде, нас было человек пять. Проводили в нескольких зданиях библиотеки, разбросанных по городу, скрытую электропроводку: долбили стенки, вкладывали в проделанную нишу электрошнур, вставляли розетки, замазывали этот вложенный шнур цементом – и оставляли надежное электроснабжение на многие годы. Наша работа – электромонтажниками – считалась более сложной, чем у электромонтеров, которым только оставалось менять перегоревшие лампочки в разных концах библиотеки. Великой радостью для меня стало то, что я ходил по-свойски по замечательному книгохранилищу, и после работы мог в разных хранилищах читать самые редкие источники. Бывало, в чтении забывал пообедать. И вот в этой милой сердцу, посильной и нужной людям работе возникло усложнение.

Наш бригадир, ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ВОЛКОВ с чего-то подумал, что молодые ребята собираются его «подсидеть». Да, у него не было образования, соответствующего должности, тогда как почти все молодые работники его бригады учились в разных вузах. И вот он стал самоутверждаться, доказывая свою нужность, незаменимость. Как-то раз в последний вторник месяца, отводившийся для внутренних работ, мы-электрики забирались на чердак и спускали закрепленные на тросах люстры, которые светят в зале техники. Люстры опустили, спустились сами в зал, протерли хрустальные подвески нашатырным спиртом, обновили вышедшие из строя лампочки, поднялись на чердак и начали было поднимать люстры к потолку. Возимся-возимся – ничего не получается. И вот Петр Васильевич, стоявший до того в сторонке, нам говорит не без злорадства: «Вы восемь минут назад не вставили в паз штырь, вот у вас ничего и не получается». Вставили, довели все до ума. Но та самая напряженность, нарочито многовариантно создаваемая мастером, оказалась для меня непосильной. Я приходил домой буквально в слезах. В итоге – ушел с

милой во всех отношениях работы. А опыт общения с Петром Васильевичем для меня в чем-то остался полезным испытанием. Показал, какие бывают начальники, и каким я ни за что становиться не желаю.

Третьей моей работой за шесть лет обучения стал Фрунзенский райком комсомола. Мир тесен – располагался райком буквально в том же двореке и в том же подъезде, от которого четвертого ноября 1968-го года меня автобус увозил на срочную службу в армию. Приняли меня в райком на должность заведующего информационно-методическим сектором. Это что-то типа архивариуса. Собирал статистические данные, отчеты с комсомольских организаций района. Папки, скоросшиватели, протоколы, подписи, описи. Должность моя была так называемая внештатная. Не знаю про сегодня, а когда-то существовали должности, на которых работали люди, числившиеся сотрудниками других организаций. Я, в частности, числился где-то инженером, а работал в райкоме. Этот опыт по-своему тоже интересен. В моем случае, полагаю, он был без налета криминальности. Но на каких разных людей в ту пору я насмотрелся! Причем отмечу: годы были еще советские, семидесятые, и до развала СССР еще было далеко. И тем более далеко было до открытого признания М.С. Горбачева, что целью всей его жизни было уничтожение коммунизма¹. Но двойственность уже во многом пронизывала нашу жизнь. И в частности мне, работавшему в райкоме «на подвеске», то и дело виделась фальшь функционеров, которые не просто состояли в штате, но и возглавляли райком. Им были свойственны широкие улыбки, крепкие рукопожатия, красивые проверенные слова...

Первым тогдашним секретарем был ДМИТРИЙ ГОЛУБЕВ. В рабочем помещении рядом со мной располагались еще два инструктора. И помню, как нас однажды сразила новость. Коллега зашел в кабинет Голубева, когда того не было на месте, и вдруг заметил, что у нашего руководителя включено прослушивание наших кабинетов. Даже если телефонная трубка в нашем кабинете была положена, первый секретарь при желании мог слышать наши разговоры. Этот опыт нужно пережить! И еще один эпизод кратко перескажу. Сидим узким кругом за праздничным столом, кажется, встречаем Новый год. Добрые-оптимистичные слова произносит упомянутый руководитель. И вот в контекст обычных пожеланий он ни с того, ни с сего включил такую мысль: «Не дай бог никому из нас пережить того, что пришлось пережить нашему водителю. Его детство проходило на зоне, и ему даже приходилось есть из параша».

После этих слов я вдвойне не завидовал водителю – имевшему горькие-соленые страницы жизни и неосторожно доверившемуся в своих излияниях номенклатурному работнику.

Повторю очевидное: когда рассуждают о воспитательной силе примера, явно нужно учитывать и влекущее воздействие примеров положительных, и

¹ Михаил Горбачев: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма». URL: <https://s-t-o-l.com/material/31980-tselyu-vsey-moey-zhizni-bylo-unichtozhenie-kommunizma/> (дата обращения 18.02.24).

отвращение к тому, как вести себя не нужно. Бригадиру электромонтажников и первому секретарю райкома – спасибо за отрицательные примеры.

Следующей работой моей оказался ВНИИ профессионально-технического образования. Туда я попал уже с дипломом ЛГУ. И, разумеется, оказался рядом с более опытными, умелыми, образованными людьми. Постараюсь не тонуть в деталях, и обозначу самые для меня значимые имена.

Отделом сперва заведовал ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ МОСОЛОВ, потом ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ БЕЛОВ. Люди очень непохожие, но и тот, и другой обладали авторитетом, вдумчивостью, требовательностью, трезвостью, уважительностью, стратегичностью – в общем, качествами руководителя. Обоим заведующим я благодарен за то, что они не стали настаивать, чтобы я писал кандидатскую по педагогической тематике, а дали мне возможность неспешно созреть к защите кандидатской по философской науке этике. В те времена я не слышал о понятии «витагенная педагогика», которая основывается на том, что к развивающемуся человеку нужно относиться уважительно, опираясь на его личный опыт и устремления. Но фактически Вячеслав Андреевич именно так уважительно воспринял меня, нового сотрудника, и доверил мне очень созвучную мне тему: совершенствование работы библиотеки ПТУ. А про Юрия Павловича дополнительно скажу, что меня всегда подкупало его внимательное вчитывание в труды классиков – философии и педагогики. Впечатляли его взвешенная манера рассуждать и готовность выслушивать разные встречные доводы.

И еще обязательно назову двух ветеранов, с кем довелось рядом работать. Про них вообще-то можно было бы не только долго говорить, но и фильмы снимать. ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ ЕГУПОВ в 1941-м году как раз только закончил институт Лесгафта, тут же отправился на войну, был десантником, танкистом. А когда освобождал Гатчину, то его танк подбили, и его чудом удалось вытащить из горящей бронированной машины. В итоге – жизнь спасли, а правую руку сохранить не удалось. Не получилось стать спортсменом, сделался педагогом, ученым. Многие годы работал где-то в Средней Азии, а потом вернулся в Ленинград – и как раз тут я с ним пересекся. Компетентный, ответственный, доброжелательный, интеллигентный, сдержанный, тактичный, подтянутый до последних дней – таким он и запомнился по жизни и по своим научным текстам. Спасибо, дорогой Леонид Федорович!

Второй из ветеранов – НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТУХОВ. Незадолго до ВНИИ ПТО он работал на педагогическом факультете Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, подготовил несколько советских и зарубежных аспирантов. А на войне – с подробностями не знаком, знаю лишь, что рядом с ним взорвался снаряд, его серьезно контузило и сильно обожгло правую сторону лица. Остался он без правого глаза. Как и Вера Яковлевна Комарова, говорил с некоторыми особенностями. Но сама речь была неизменно содержательна-доброжелательна-выразительна. Человек он был исключительно добрый и с лукавинкой во взгляде. Во время научных обсуждений никогда не отмалчивался, щедро и без высокомерия делился своими

идеями. Когда бываю по работе на педагогическом факультете РГПУ и вижу там висящий на стене его добротный портрет, а чуть в другом коридоре – его лицо на групповых фотографиях, всякий раз испытываю теплые чувства. Светлая Вам память, дорогой Николай Николаевич!

Будет неверным, если я умолчу о двух примерах поучительно-негативных. Первый: ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ШИЛОВА. Старшая научная сотрудница, опытная, умная, много и полезно работавшая в отделе, однажды поделилась давней историей. Во время Великой Отечественной войны она была школьницей. Училась исправно. И как-то ей вручили письмо с фронта. Попросили ответить бойцу. И вот она, грамотная-старательная, в полученном письме старательно подчеркнула синим карандашом все ошибки – да и отправила это письмо назад. Рассказывала нам об этой истории Елена Николаевна сквозь покаянные слезы. Спасибо ей за это признание! Правильность, конечно, нужна. Но она не должна быть столь абсолютной, бестактной.

Второй пример – тоже о правильности. В те годы на рабочих местах научных сотрудников не стояли персональные компьютеры. Каждый работал над книгами, выписками, что-то «улавливал из космоса» – а тексты из рукописных в машинописные преобразовывали уже штатные машинистки. Штатной машинисткой у нас работала АЛЛОЧКА ИОФФФЕ. Невысокая, темноволосая, бодрая, грамотная девушка. Так вот, эта бодрая и грамотная работница, бывало, получит от кого-то рукописный текст – и бегаёт по кабинетам, возмущенно показывая: «Смотрите, какое безграмотное слово написала Клавдия Николаевна!» Кто как – а я предпочитаю и в общении со студентами, если что-то мне покажется ошибкой, свои вопросы-оценки адресовать исключительно автору, и не утверждаться даже за счет чьей-то реальной неграмотности-невнимательности. Правда, если речь идет уже об официальной защите курсовых работ, дипломов, диссертаций – то есть, о публично обнародуемых текстах, то приходится главные критические замечания тоже обнародовать, а не шептать их конкретно написавшему какую-то нелепость.

И, что касается правильности, приведу еще один пример – уже про себя, молодого. Обычно я веду себя вполне законопослушно. Не хожу на красный свет, оплачиваю проезд в транспорте и т.п. Вот и в метро стараюсь идти теми маршрутами, которые обозначены табличками. Случай, который хочу поведать, связан именно с подобной табличкой. В метро «Владимирская», около которого я жил в молодые годы, есть лестница, над которой тогда висел указатель «Держитесь левой стороны». И я именно так двигался каждый раз, то вверх, то вниз. А однажды – поднимаюсь по ступенечкам, честно придерживаясь левой стороны, – и чувствую, что кто-то спускается мне навстречу. Поднимаю голову – и вижу: уже совсем рядом стоит пожилая женщина, далеко не бодрого состояния, держится за перила, с ожиданием смотрит на меня. И пока я поднимал голову, чтоб убедиться в наличии той самой таблички, пока догадался, что надо отскочить в сторону – женщина мне бросила: «Фашист!» Посейчас испытываю

чувство вины перед нею! Ну нельзя свою «правильность» доводить до таких ситуаций!

Итак, спасибо предшествовавшим отрезкам-локусам жизни, продолжающимся своими смыслами и в настоящем. Кандидатская защищена, меня пригласили в Ленинградский педагогический институт, который вскорости стал Российским педагогическим университетом. ЛГПИ стал РГПУ. Работаю с тех пор на кафедре эстетики и этики. Осталось рассказать о тех людях, кто для меня оказывался душеполезен здесь.

Начну, конечно, с АЛИСЫ ПЕТРОВНЫ ВАЛИЦКОЙ и ЛАРИСЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ГРОМОВОЙ. Именно они проводили со мною изначальное собеседование, расспрашивали, выслушивали, мою кандидатуру приняли. Спасибо за доверие! Стараюсь его оправдать. Считаю, что с Алисой Петровной не только мне лично повезло – с ней повезло и нашей кафедре. Многие годы Алиса Петровна возглавляла кафедру, сперва межфакультетскую, потом мы оказались включены в состав философского факультета (точнее, факультета философии человека, или даже еще точнее: Института философии человека). Обаятельная, энергичная, мудрая, строгая, дальновидная, заботливая – можно долго перечислять замечательные качества Алисы Петровны, которые снискали ей законное уважение в Университете, среди образовательных учреждений города, у коллег-гуманитариев в стране и за рубежом. Зажигательно читает лекции, увлекательно-обстоятельно-аргументированно пишет статьи и монографии, образцово тактична в общении с коллегами и подопечными – просто великая радость жить и работать рядом с Алисой Петровной! Подчеркну: Алиса Петровна больше работает с тематикой философской, аксиологической, педагогической, эстетической. Зато Лариса Алексеевна – коллега еще более мне созвучная. Этик. Тогда как я скромно пришел и бесперебойно работаю на одной и той же кафедре (несколько месяцев был ассистентом, потом доцентом, позже – стал профессором), зато Лариса Алексеевна, принимавшая меня на кафедру, с тех пор уже многожды оказывалась на высоких-далеких орбитах. Стажировалась в США, возглавляла другой факультет, активно работает в общественных организациях. Среди многочисленных недежурных комплиментов в ее адрес назову сейчас вот какой. Именно от Ларисы Алексеевны я узнал слово «отработка», которое означает, что если студент пропустил семинарское занятие, то ему надлежит принести текст, в котором даются ответы на подвопросы, заданные к семинару. С тех пор, как данное слово я от Ларисы Алексеевны узнал, старательно провожу в жизнь эту форму работы, позволяющую убедиться, что студент не отстал в учебной программе. Внимательно-уважительно читаю студенческие тексты, делаю в них ремарки, касающиеся содержания и грамотности. Спасибо Ларисе Алексеевне, что студенты, пропустившие занятие, удостаиваются порой даже большего персонального внимания, чем те, кто на занятии был вживую.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ СОБОЛЕВ – еще одно очень обоснованное авторитетное имя. Мне посчастливилось попасть на кафедру в то время, когда Петр Васильевич, уступивший статус заведования Алисе Петровне, продолжал

полновесно работать здесь в качестве преподавателя. Опишу только один конкретный эпизод, хотя, можете поверить, общение между коллегами на кафедре всегда протекает очень разножанрово и взаимопольно, взаимоуважительно и по-хорошему родственно. Так вот, пришел я, начинающий преподаватель, однажды посетить лекцию Петра Васильевича на художественно-графическом факультете. Я уже знал, что накануне лекций, вечером, Петр Васильевич не подходит к телефону. Готовится к занятию. То есть – относится к своей работе как нельзя более серьезно. И вот, как только подступило время начинать лекцию – Петр Васильевич берет ключ от входной двери и запирает аудиторию изнутри. Опоздавших, стало быть, в принципе у него не бывало. Лично я аудиторию изнутри не запираю. Но, бывает, студентам рассказываю об этом эпизоде с запираанием аудитории – чтобы они осознанней-уважительнее относились и к сокурсникам, и к излагаемому материалу, который, конечно же, бывает трудно понять, если опоздал к началу занятия. А Петр Васильевич, про кого идет речь, всегда отличался наивысшей собранностью – в своих лекциях и семинарах, в посещенных занятиях коллег, при написании и обсуждении научных текстов, на конференциях и заседаниях кафедры, при решении даже сколь угодно второстепенных протокольных вопросов. Был человеком слова и дела, внутреннего доброго и умного свечения. Спасибо, дорогой Петр Васильевич, за высокий пример жизни по уму и по совести!

Ну вот, гляжу на более-менее обозначенную обещанную в начале текста жизненную хронологию с привязанными к ней именами – и сразу вижу, сколько еще нужно было бы сюда добавить очень важных для меня людей. Таких, с кем всамделишно общался (учителей, коллег, добрых знакомых – долго ли, коротко ли), и таких, кого знаю только по их трудам (надо ли обосновывать авторитетность и душеполезность лично для меня текстов Аристотеля, Иоанна Златоуста, Фомы Аквинского, Монтеня, Паскаля, Канта, Швейцера, Максима Грека, К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, М.Г. Лазара, Э.В. Соколова, В.П. Фетисова, В.Ш. Сабирова?). Надо ли пояснять, как, например, через роман Курта Воннегута «Бойня номер пять» я познакомился с удивительно мудрой молитвой – и потом уже узнал, что сформулировал ее Рейнголд Нибур: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество – изменять то, что мне подвластно, и мудрость – всегда отличать одно от другого»¹? Надо ли приводить примеры того, как разновекторные и разноуровневые смыслы рождаются в общении со студентами?

Отдаю себе отчет, что вообще-то перечислять людей, интересных-значимых для меня по жизни, можно было бы и более занудно, в виде табличек со столбиками:

высказаны ли ими совет, намек, запрет, предупреждение, требование; набор советов или предупреждений; целостное учение;

¹ Воннегут К. Бойня номер пять, или крестовый поход детей // Новый мир. 1970. № 4. С. 103.

обращались ли они лично ко мне – или я сам обратил внимание на их правоту;

указывали ли они наглядный положительный или яркий отрицательный пример;

действовали ли они правильно сами – или же, расписавшись в своем бессилии, призывали хотя бы слушателей-читателей действовать подобающим образом;

как их поучения воспринимали окружающие – с недоверием / возмущением / запоздалым принятием;

выражалась ли как-то обобщенно-лексически их роль в общественной жизни – таковы, например, «христианство», «буддизм», «кантианство», «марксизм», «толстовство», «ленинизм», «пугачевщина», «неоплатонизм», «неодарвинизм», «утопизм», «цинизм», «пофигизм»;

возводились ли им памятники или же их пытались вычеркнуть из памяти потомков.

Как видно, тема наставничества буквально неохватна.

И ведь обратите внимание – кто как, а я лично вижу тут большую разницу – одно дело, если кто-то говорит: «Это – мой ученик», и совсем другое, когда кто-то сам про него скажет: «Это – мой учитель».

Я не стыжусь признавать себя учеником. Такова вообще вся культура – поневоле мы пользуемся наработками предшественников и современников.

И вся энергетика культуры задается не столько мускулами, громкостью голоса, мощью наступательного оружия, сколько правильностью-выверенностью-согласованностью жизненных ориентиров. Главная сила – в правде. В правоте.

Люблю обсуждать со студентами десять заповедей Моисея. Неизменно убеждаюсь, что не зря Моисей учился у египтян, и что его потомки неспроста сохранили свою социальную идентичность. Смыслы знаменитых моисеевых заповедей по сейчас напрямую относятся к нашей жизни. И вправду, разве не жизнеутверждающе искать объединяющие ценности, дорожить ими на деле и на словах, почитать старших, воздерживаться от дурных поступков и помыслов? Вместе с тем, тоже раз за разом убеждаюсь, как полезно не застывать в старых формулах, а по-умному их трактовать, как это делают, продолжая мысли Моисея, люди последующих эпох. Приведу только два-три примера.

Г.Р. Державин: «Живи и жить давай другим, / Но только не за счет другого»¹. В десяти заповедях этой мысли не было. А вот еще два высказывания.

Н.К. Рерих: «Никаким кумирам не поклоняйся, ничьих святынь не оскверняй» [Цит. по: Зимбули, 2012: 79].

Мустай Карим: «На то, что почитается священным, не указывают пальцем» [Нравственные уроки Мустая Карима, 2008: 190].

Ну ведь какие убедительные, полезные слова! Спасибо их авторам!

¹ Державин Г.Р. На рождение царицы Гремиславы. URL: <https://rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/072.htm> (дата обращения 18.02.24).

А вот мысли, которые высказывали при обсуждении десяти заповедей студенты разных лет, отвечая на мой вопрос – «Что, по-вашему, мог бы добавить-уточнить Моисей, обращаясь к сегодняшним людям?»:

Будь внимателен к ближнему (Таня Яблокова).

Будь проще (Нина Бабаева).

Будь сдержанным (Полина Бородина).

В богатстве не забывай о бедных (Татьяна Ринейская).

Говори по делу, живи по совести (Юлия Алунан).

Живи так, чтобы перед детьми не было стыдно (Андрей Долбилин. И тут же Иван Галкин добавляет: - и перед мамой).

Живи, думая о хорошем, желай добра себе и окружающим (Анастасия Дука).

Не бери мзды у дающего (Илья Виноградский).

Не будь злопамятен (Александра Рычкова).

Не будь легкомысленным, но и не закрывайся от людей (Мария Теплова).

Не будь равнодушным (Арина Кузнецова).

Не впадай в мстительность (Вика Тумаркина).

Не желай другим зла (Марк Ботыгин).

Не зазнавайся (Антон Хомич).

Не злоупотребляй своим превосходством (Самир Салем).

Не иди по головам (Василиса Трохина).

Не ленись (Ксения Савина).

Не нарушай личного пространства ближнего твоего (Данила Ошуев).

Не предавай (Анастасия Турченко).

Не путай мир виртуальный с реальным (Ксения Иванова).

Не сплетничай (Любовь Якимчук).

Не ставь настоящую жизнь на второй план, а виртуальную на первый (Кристина Жуйко).

Не ставь себя выше других, не питай греха гордыни (Лида Пастухова).

Не суетись (Ирина Васильева; Рустам Мурадов).

Не твори дел, приносящих ущерб небу и земле (Ярослав Митрошкин).

Не торопись жить (Юлия Ефтина).

Не унижай (Валерия Космененко).

Не хвастайся тем, что тебе не принадлежит (Полина Есипова).

Нужно оставлять мир после себя лучше, чем он был прежде тебя (Катя Ахремчик).

Смотри на мир добрым и светлым взглядом (Анастасия Диброва).

Стремись к личной свободе в рамках общественной морали (Мария Грибова).

Ну как тут не порадоваться за вдумчивых-совестливых современных молодых людей, которые способны не только видеть и запоминать, но и самостоятельно догадываться о недосказанном древними мудрецами, о неведомых прежним временам возможностях и вызовах – в которые вписываться нужно не тупо-исполнительски, не начетнически, а творчески!

Насколько догадываюсь, настоящие, достойные глубокого уважения наставники как раз и ценят таких вдумчивых, ответственных последователей. И пока на свете есть достойные уважения наставники и вдумчивые-совестливые их последователи, у человеческой культуры есть светлые перспективы.

Повторю мысль, высказанную в самом начале текста. Хотелось бы надеяться, чтобы текст не воспринимался чисто автобиографическим, или просто данью благодарности к тем, кто оказал влияние на мою судьбу. Важно, чтобы заинтересованным представителям самых разных областей знания удалось объединить усилия в понимании многофакторного, многовекторного явления наставничества.

Список литературы (References)

1. Во благо Отечества: страницы истории 206-й школы Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во «Dean», Изд. центр «Золотая книга», 2012.

For the Good of the Fatherland: pages of history of the 206th school of St. Petersburg (2012). St. Petersburg: Dean Publ., Zolotaya kniga Publ. (In Russ.).

2. Вспоминая философский факультет... СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2015.

Remembering the Faculty of Philosophy... (2015). St. Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society Publ. (In Russ.).

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 2. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956.

Dal V.I. (1956) Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. (In Russ.).

4. Зимбули А.Е. Лекции по этике. СПб.: ШИК, 2003.

Zimbuli A.E. (2003) Lectures on ethics. St. Petersburg: ShIK Publ. (In Russ.).

5. Зимбули А.Е. Лекции по этике. Вып. 4. СПб.: Пневма, 2015.

Zimbuli A.E. (2015) Lectures on ethics. Issue 4. St. Petersburg: Pnevma Publ. (In Russ.).

6. Зимбули А.Е. Протест. Эпатаж. Провокация. Экстремизм: смысловые грани и социокультурное значение // Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 76-87.

Zimbuli A.E. (2012) Protest. Shocking. Provocation. Extremism: semantic facets and sociocultural significance. *Extremism as a Civilizational Challenge. Collective monograph*. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin) Publ. P. 76-87. (In Russ.).

7. Зимбули А.Е. Русское «авось» как положительная черта российской ментальности // XXI век: будущее России в философском измерении: материалы Второго Российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.): в 4 т. Т. 4: Философия духовности, образования, религии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 129-130.

Zimbuli A.E. (1999) Russian “maybe” as a positive feature of the Russian mentality. *The 21st century: Russian future in philosophical dimension: proceedings of the Second Russian philosophical congress (on June 7-11, 1999). In 4 volumes. Vol. 4: Philosophy of spirituality, education, religion.* Ekaterinburg: Ural University Publishing House. P. 129-130. (In Russ.).

8. Зимбули А.Е. Учитель: нравственно-ценностные ракурсы // Общество. Среда. Развитие. 2022. № 1. С. 66-75.

Zimbuli A.E. (2022) Teacher: Moral-Significant Aspects. *Society. Environment. Development / Terra Humana.* No. 1. P. 66-75. (In Russ.).

9. Зимбули А.Е. Учителю – спасибо! // Этика: история и современность: сборник научных статей и материалы Международной научной конференции в честь 100-летия профессора Владимира Георгиевича Иванова. СПб.: РГПУ, Изд-во «Роща», 2023. С. 6-15.

Zimbuli A.E. (2023) Teacher – thank you! *Ethics: history and modernity: a collection of scientific articles and proceedings of the International scientific conference in honor of the 100th anniversary of Professor Vladimir Georgievich Ivanov.* St. Petersburg: RGPU Publ., Roshcha Publ. (In Russ.).

10. Комарова В.Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988.

Komarova V.Ya. (1988) The teachings of Zeno of Elea: an attempt to reconstruct the system of arguments. Leningrad: LSU Publ. (In Russ.).

11. Монтень М. Опыты: В трех книгах. Т. 3. М.: Голос, 1992.

Montaigne M. (1992) *Essais. In Three Books.* Vol. 3. Moscow: Golos Publ. (In Russ.).

12. Нравственные уроки Мустая Карима / сост. И.И. Валеев. Уфа: КИТАП, 2008.

Moral lessons of Mustai Karim (2008). Ufa: KITAP Publ. (In Russ.).

13. Словарь русского языка: в четырех томах. Т. 2. М.: Русский язык, 1982.

Dictionary of the Russian language in 4-h volumes (1982). Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russ.).

14. Шпакова Р.П., Зимбули А.Е. Альберт Швейцер как критик буржуазной культуры (некоторые аспекты) // Вестник ЛГУ. Серия 6. 1989. Вып. 3 (№ 20). С. 37-43.

Shpakova R.P., Zimbuli A.E. (1989) Albert Schweitzer as a critic of bourgeois culture (some aspects). *Bulletin of Leningrad State University. Series 6.* Vol. 3 (No. 20). P. 37-43. (In Russ.).

Сведения об авторе

Зимбули Андрей Евгеньевич – профессор кафедры эстетики и этики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор философских наук, профессор. Занимается изучением

нравственно-ценностных аспектов современной культуры. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

About the author

Zimbuli Andrey Evgenevich – professor of the Department of Aesthetics and Ethics of the Herzen State University, doctor of philosophical sciences, professor. Engaged in studying of moral and value aspects of modern culture. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

Поступила 18.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 29.04.2024.

Submitted 18.02.2024; revised 18.03.2024; accepted 29.04.2024.